

Разумеется, автор должен сообщить своим уважаемым читателям и вообще всему человечеству, что все события, о которых идет речь в этой книге, являются продуктом его буйного неукротимого воображения, точно так же как и имена действующих лиц, которые выдуманы от первой буквы до последней. Короче говоря, все совпадения случайны, но мы-то с вами хорошо знаем, что ничего случайного в этом мире нет и быть не может.

«Самый верный признак истины — простота и ясность».

*Лев Толстой,
«Путь жизни»*

«Видите ли, молодой человек, наука считает, что не существует нераскрываемых преступлений... Так сказать, теоретически. Так что нам с вами надо поднатужиться...»

*Аркадий и Георгий Вайнеры,
«Эра милосердия»*

Глава первая

ТРИДЦАТЬ ДВА ПРОЦЕНТА

— Летальность реанимационного отделения составляет тридцать два процента, Владимир Александрович! Тридцать два! При среднем городском показателе в восемь с половиной процентов! Грубо говоря, каждый третий пациент выбывает из отделения через морг! Я лично никогда и нигде такой ужасающей статистики не видел. А вы?

— Я тоже не видел, Владислав Петрович. Может, во время войны, в полевых госпиталях прифронтовой полосы было и хуже, но сейчас даже трудно представить...

С новым заведующим кафедрой Данилов был знаком давно, но шапочно. Профессор Замятин, ученый секретарь кафедры, работал на другой клинической базе и встречались они только на собраниях и разных других мероприятиях. Когда жена поинтересовалась: «Какой он, ваш новый шеф?» Данилов пожал плечами и ответил: «Никакой». Характеристика была точной и исчерпывающей. Замятин не имел привычек, которые могли стать поводом для сплетен, за долгие годы работы на кафедре не сблизился ни с кем из сотрудников, со всеми держался ровно-отстраненно, любимчиков не имел, голоса никогда не повышал, ни в каких злоупотреблениях замечен не был, ни к каким группировкам в академии не

примыкал. Кафедральный шутник или, скорее — шут, доцент Сааков как-то раз сказал, что Замятин «явный скрытый маньяк-убийца», потому что такими неприметными и такими правильными людьми бывают только маньяки. Шуточка была отпущена в коридоре, во время перерыва в одном особо затянувшемся собрании. Обернувшись по направлению взглядов собеседников, Сааков увидел стоящего рядом Замятина. Тот мог посмеяться или возмутиться, но проявления эмоций не последовало. «Если бы я был маньяком-убийцей, то вас, Артур Бениаминович, давно уже не было бы в живых», — спокойно сказал Замятин, глядя куда-то в сторону. Сааков (невиданное дело!) попросил прощения, но Замятин его смущенного лепета не дослушал — развернулся и ушел прочь.

С прежним заведующим кафедрой Олегом Тарасовичем Погребенько произошла трагикомическая неприятность, в которой смешного и грустного было поровну. На шестом десятке лет Олег Тарасович, прежде не отличавшийся амурным энтузиазмом, пустился во все тяжкие. Сначала завел длительный роман с клиническим ординатором, которую он, как выражался Сааков, «протащил в аспирантуру, держа за сиськи», но после некоторых осложнений стал предпочитать менее серьезные, то есть — менее обременительные отношения. Такие, которые доставляли много удовольствия, но притом не осложняли жизнь.

Однажды Олег Тарасович задержался на работе до дня того, чтобы соблазнить новую кандидатку в любовницы.

Соблазнение происходило по раз и навсегда установленному порядку — кандидатке назначалась деловая аудиенция в позднее время, когда на кафедре не оставалось никого из сотрудников, кроме нее и профессора. Во время обсуждения делового вопроса Олег Тарасович «закидывал удочки» и смотрел — схватит ли рыбка наживку? Если хватала, то жизнь стареющего профессора озарялась светом новой звезды. Если не хватала, то распалившийся Олег Тарасович ехал к кому-то из старых своих «звезд» снимать напряжение. Но обломы случались крайне редко, потому что поздние аудиенции назначались только тем, кто давал какие-то авансы — строил глазки, демонстрировал свои прелести или, к примеру, доверительно плакался шефу в жилетку, сетуя на свое одиночество.

В тот злополучный день все складывалось самым замечательным образом. Новая аспирантка оказалась настолько понятливой, что начала раздеваться сразу же после того, как вошла. Делала она это очень красиво, так, что глаз не оторвешь, а раздевшись, сразу же приступила к делу... Ошеломленный столь бурным развитием событий Олег Тарасович позабыл закрыть дверь на ключ. Отлюбив шефа в кресле, проказница увлекла его на диван, где начала проводить «реанимационные» мероприятия. Мероприятия оказались настолько качественными, что уже через каких-то десять минут Олег Тарасович был готов к новым подвигам и немедленно приступил к их свершению. Но у природы же все продумано и нарушать ее установки не следует. Если в шестьдесят лет

проявлять чрезмерный энтузиазм, свойственный юному возрасту, то организм, не успевший полностью восстановиться после предыдущего раунда, может выкинуть какой-нибудь огорчительный фокус.

Некий ретивый охранник, обративший внимание на то, что в окнах кабинета Олега Тарасовича в позднее время горит свет, отправился на кафедру с проверкой. Он распахнул дверь начальственного кабинета в тот самый момент, когда Олег Тарасович находился в преддверии очередной разрядки... Вместо разрядки у возрастного Ромео случился трансмуральный инфаркт миокарда передней стенки левого желудочка, вызванный резким спазмом коронарных сосудов. Довольно редкая, надо сказать, штука, обычно инфаркты происходят вследствие закупорки сосудов тромбом.

Инфарктом дело не закончилось. Свалившись на пол, Олег Тарасович сломал левую локтевую кость. Дураспирантка с перепугу завизжала так громко и пронзительно, что на крик сбежался народ с нижнего и верхнего этажей. Впрочем, это было кстати, потому что если бы охранник грузил Олега Тарасовича на каталку в одиночку, то непременно сломал бы ему еще что-нибудь.

Лежать в родном реанимационном отделении и понимать, о чем шепчутся врачи за твоей спиной, было очень неприятно. Олег Тарасович просил перевести его в Кардиоцентр, но коллеги отказывали — не то у вас состояние, дорогой вы наш, чтобы транспортировать, да и необходимости в этом никакой нет. Семьдесят седьмая больница оснащена не хуже Кардиоцентра, врачи у нас

замечательные — многих вы сами учили, так что лежите-полеживайте, Олег Тарасович, заживляйте вашу сердечную рану.

Подобно большинству врачей, Олег Тарасович оказался крайне недисциплинированным пациентом. Во время заживления инфарктного очага, а особенно — на первой неделе этого процесса, пациенты должны соблюдать строгий постельный режим, чтобы не давать сердечному насосу лишней нагрузки. В противном случае на месте очага может образоваться не плотный соединительно-тканый рубец, а растяжение мышцы, по-научному именуемое аневризмой. Растянутый участок не способен сокращаться, поэтому его наличие уменьшает насосную функцию сердца, что приводит к развитию сердечной недостаточности. К моменту выписки стало ясно, что Олега Тарасовича ждет не возвращение к заведованию, а оформление группы инвалидности. Профессор Замятин, исполнявший обязанности заведующего кафедрой, спустя два месяца избавился от нестатусной приставки «и. о.» и стал полноценно-полноправным заведующим.

На второй неделе своего «полноценного» заведования Замятин пригласил доцента Данилова поговорить. Данилов ждал обычного псевдодушевного общения между начальником и подчиненным, но разговор оказался сугубо деловым — Владислава Петровича обеспокоило резкое повышение летальности в отделении анестезиологии и реанимации девяносто пятой городской больницы. Данилов не очень-то понимал, почему профессор Замятин, не будучи главным внештатным специалистом

по анестезиологии-реаниматологии города Москвы, так сильно волнуется по поводу этой нехорошей статистики, которая непосредственно к нему никакого отношения не имела. И еще не было понятно, почему заведующий кафедрой обсуждает этот вопрос с доцентом, только что вернувшимся с коронавирусной передовой после обратного перепрофилирования восьмьдесят восьмой больницы. Но с уточняющими вопросами Данилов не спешил. Зачем бежать впереди паровоза? Шеф сам все расскажет, просто у человека такая привычка — начинать с главного, а затем уже объяснять, что и как. Вполне возможно, что у шефа есть какое-то решение, которое он предварительно хочет «обкатать» на доценте Данилове. Хотя решение тут может быть только одно — надо менять персонал, который позволяет себе работать столь халатно, потому что ничем, кроме халатного отношения к делу, такой показатель летальности объяснить невозможно.

— Какие меры приняты? — поинтересовался Данилов. — Департамент уже прислал комиссию или только раскачивается?

— Уже две комиссии занимались этой проблемой, — заведующий кафедрой развел руками. — Вторая трясла не только реанимацию, но и всю больницу сверху донизу, вместе с лабораторией и аптекой. Проверяли все, вплоть до условий хранения препаратов. Но ничего найти так и не смогли. Все в порядке, однако летальность остается прежней.

— Так не бывает! — усмехнулся Данилов. — Значит, плохо трясли или глаза при этом держали закрытыми.

— Ой, нет! — покачал головой шеф. — Трясли как следует, случай-то из ряда вон выходящий. Нарыли, конечно, кучу мелких нарушений, но они не могут объяснить происходящего. Но я пригласил вас, Владимир Александрович, не для того, чтобы посплетничать о проблемах наших коллег, — заведующий кафедрой сделал небольшую паузу, словно раздумывая, продолжать ему или нет. — У меня к вам будет одна просьба, то есть с просьбой ко мне обратился заведующий отделением... Впрочем, давайте по порядку. Денис Альбертович Ирдинкин, так зовут заведующего, в свое время работал на нашей кафедре старшим лаборантом и готовился защищаться, но из-за кое-каких факторов, которые... хм... непосредственно от него не зависели, его на защите завалили. Удар был направлен не против него, а против его научного руководителя. Что ж, бывает, не он первый и не он последний. Я ведь и сам кандидатом стал только со второго захода. Денис мог спокойно дожидаться повторной защиты, но он предпочел уйти в практическое здравоохранение. Тогдашнему заведующему кафедрой так и сказал: «Объелся я вашей науки до кровавого поноса». В практическом здравоохранении у него тоже не все гладко складывалось, и снова не по его вине. Однажды, когда он замещал заведующего отделением, линейный контроль застал одного из дежурных врачей в пьяном виде. Денису дали выговор и прилепили к нему ярлык слабого руководителя. Даже

исполнять обязанности больше не ставили, не говоря уже о том, чтобы повышать. Но в сентябре прошлого года заведующий реанимационным отделением девяносто пятой больницы и два врача срочно уволились после обвинения в вымогательстве. Судя по всему, там была настоящая мафия, хорошо организованная система вытягивания денег под соусом «лично нам ничего не нужно, мы клятву давали, но вот медсестер и санитарок неплохо бы простимулировать, чтобы они уделяли больше внимания вашему родственнику».

— Удобная система! — хмыкнул Данилов. — Позволяет брать деньги в то время, пока пациент находится в реанимации и ничего не гарантирует. Ну и что с того, что ваш родственник скончался? Зато до последнего вздоха он лежал чистеньким на свежей простыне.

— Вот именно! — кивнул заведующий кафедрой. — До суда дело не дошло, потому что родственники пациентов подняли шум уже после того, как заплатили деньги. Умнее было бы помочь взять взяточников с поличным...

— Это сложное дело, — заметил Данилов. — Близкий человек лежит в реанимации, жизнь его висит на волоске... В такой ситуации большинство предпочтет заплатить, а не разоблачать. Жизнь-то у всех одна.

— Однако осенью прошлого года три родственника практически одновременно пожаловались главному врачу и в департамент. То ли их что-то не устроило, то ли они поняли, что их элементарно обманули, потому что отношение к пациентам было одинаковым, вне

зависимости от «стимуляции», но, так или иначе, поднялась волна. — Владислав Петрович многозначительно поиграл бровями. — Если родственники троих пациентов разом начинают рассказывать о вымогательстве, от этого уже невозможно отмахнуться. Причастные сразу же уволились по собственному желанию. Насколько мне известно, они собирались занять круговую оборону и все отрицать, но главный врач поспешил от них избавиться.

— «To be, or not to be»¹, — прокомментировал Данилов. — В смысле — «по собственному или по статье», вот в чем вопрос.

— Именно так! — кивнул Владислав Петрович. — Те врачи, которые не были непосредственно замешаны в скандале, особого доверия у главного врача не вызывали, поэтому он решил посадить на заведование чело- века со стороны. Предложил Денису, тот согласился. Возможно, в обычной ситуации нашли бы кого-то другого, но, сами понимаете...

Данилов молча кивнул — понимаю. Коронавирусная заваруха привела к выраженному кадровому голоду в медицине. Среди врачей особенно сильной была нехватка анестезиологов-реаниматологов.

— Денису сорок пять лет, — продолжал шеф. — Он прекрасно сознавал, что другого шанса проявить себя у него не будет, и потому подошел к делу очень ответственно. Он вообще очень ответственный человек, не разгильдяй какой-нибудь. И котелок у него варит, так

¹ Быть или не быть (*англ.*).

что говорить о некомпетентности, халатности или плохой организации работы отделения вряд ли можно. Человек на своем месте, но ему пришлось нелегко. Врачи отделения не то обиделись на то, что им дали заведующего со стороны, а не назначили кого-то из «своих», не то не захотели работать в условиях жесткого контроля с отсутствием левых доходов и потому уволились один за другим. Врачебный состав отделения полностью обновился, теперь там работают люди из разных мест, такая сборная солянка. Это создает дополнительные сложности, которые исчезнут только тогда, когда люди притрутся друг к другу. Но Денис старается... Он изо всех сил старается, однако при всех своих стараниях имеет настолько высокий показатель летальности. Сам Денис не может понять причину, больничная администрация не может, две комиссии тоже не смогли. После второй комиссии Дениса сняли с заведования, но пока оставили в качестве исполняющего обязанности. Но как только пандемия закончится и ситуация с кадрами выровняется, Дениса сразу же турнут. А может, и раньше турнут, если он не сумеет в скором времени снизить летальность хотя бы до десяти процентов. На его счастье, у журналистов сейчас есть более интересные темы, так что эта история пока еще не стала достоянием общественности. Но рано или поздно шум поднимется, и тогда...

Шеф горестно развел руками.

— Так не бывает! — повторил Данилов. — Простите, Владислав Петрович, но ничего не происходит без причины, а при желании причину найти всегда можно

и если что-то укрылось от глаз комиссии, то от заведующего отделением ничего никогда не укроется. Если, конечно, он не круглый дурак.

— Денис Альбертович не дурак, — шеф слегка нахмурился. — И он действительно не может найти причину. Поэтому-то он и обратился ко мне за помощью, по старой, так сказать, памяти. Но дело не столько в нашем давнем знакомстве, Владимир Александрович, а в том, что умирают люди, которые умирать не должны. Трое из каждой четверки умерших могли бы остаться в живых! Выслушав Дениса, я сразу же подумал о том, что лучше вас никто в этом деле разобраться не сможет.

— Почему? — удивился Данилов.

— Вы — умный человек с разносторонним профессиональным опытом. Те, кто хорошо вас знает, в один голос говорят, что вы очень внимательны к деталям и ничего не упускаете, вы умеете находить общий язык с разными людьми...

Данилов слушал, не перебивая. Редко когда удаётся услышать такую обстоятельную похвалу из уст начальства.

— ...и вашему присутствию в отделении можно найти подходящее объяснение.

— Это какое же? — удивился Данилов.

— Все знают, что вы работаете над докторской...

Данилов смущенно улыбнулся. «Работаете» — это слишком громко сказано. На самом деле он иногда думал о том, что пора бы уж и начать двигать свою докторскую диссертацию. Но руки все никак не доходили...

— Вы устройтесь дежурником на полставки или на четверть, как вам угодно, для того, чтобы набрать практический материал по вашей теме.

— Моя диссертация посвящена особенностям высокочастотной струйной искусственной вентиляции легких у пациентов пожилого и старческого возраста, — напомнил Данилов. — В нашей больнице я могу набирать материал с таким же успехом, а устраиваться совместителем на сторону мне совершенно не требуется.

— Тему можно придумать любую, — возразил заведующий кафедрой. — Начиная с анестезиологического обеспечения высокотравматичных операций на органах гепатопанкреатодуоденальной зоны¹ и заканчивая методами коррекции центральной гемодинамики² при эпидуральной анестезии³. А лучше всего изучать дифференцированный подход при формировании стратегии и тактики интенсивной терапии при какой-нибудь патологии, потому что такие темы требуют огромного материала. Вам хочется защититься как можно скорее и потому вы набираете материал на стороне. Как-то так.

«Если бы хотелось, то давно бы уже стал профессором», — подумал Данилов.

¹ Зона печени, поджелудочной железы и двенадцатиперстной кишки.

² Гемодинамикой называется движение крови по сосудам, возникающее вследствие разности гидростатического давления в различных участках кровеносной системы.

³ Метод обезболивания, при котором обезболивающие препараты вводятся в пространство между твердой оболочкой спинного мозга и позвонками.

— Денис Альбертович пошел вам навстречу...

— А Денис Альбертович сознает, чем это может для него закончиться? — Данилов пристально посмотрел в глаза шефу.

— Что вы имеете в виду? — удивился тот.

— А то, что у меня уже есть готовый ответ, Владислав Петрович.

— Вы шутите?

— Нет, я говорю серьезно, — заверил Данилов. — Что мы имеем в условии задачи? Полностью обновленный врачебный состав под руководством компетентного заведующего — это раз. Очень высокий процент летальности в отделении — это два. Невозможность установления причины — это три. Решение лежит на поверхности, вам не кажется?

— Нет, не кажется! — в голосе шефа зазвенели нотки раздражения. — Неужели вы думаете, что Денис как-то к этому причастен?

— Уверен! — категорично отрезал Данилов. — Заведующий всегда в курсе того, что происходит у него в отделении, особенно в том случае, если работа организована в дежурном режиме. Когда люди сутками находятся на глазах друг у друга, ничего утаить невозможно. Вы говорите, что две комиссии ничего не нашли? А почему? Да потому что концы были хорошо спрятаны в воду. В историях болезни делались ложные записи, к которым невозможно было придраться. Как вы думаете, Владислав Петрович, — можно ли фокусничать с записями без ведома заведующего отделением?

— Вряд ли, — признал шеф. — Ну раз проскочит, ну другой... Но Денис же сам попросил помочь разобраться!

— Вы рассказы о Шерлоке Холмсе читали? Помните «Москательщика на покое»?

— «Москательщик на покое»? — переспросил шеф, не ожидавший подобного поворота беседы. — Помню-помню... Это смешной рассказ, в котором запах газа заглушали краской вместо того, чтобы просто проветрить помещение.

— Я не это имел в виду, — улыбнулся Данилов, — а то, что преступник сам обратился к Холмсу, желая отвести от себя подозрения как можно дальше. Денис Альбертович покрывает своих подчиненных в надежде на то, что они скоро наберутся опыта, притрутся друг к другу и перестанут косячить. В нынешней ситуации увольнять аиров¹ боязно. Могу предположить, что Денис Альбертович изрядно намучился с поиском новых врачей взамен тех, что уволились, и не хочет снова начинать эту кутерьму. К тому же не факт, что на место уволенного плохого врача придет хороший. Вот и приходится ему ловчить и изворачиваться, напускать туману, в частности — просить у вас помощи. Как вам моя версия?

Заведующий кафедрой не спешил с ответом. Посмотрел на потолок, задумчиво пожевал губами, а затем покачал головой.

— Нет, Владимир Александрович. Все совсем не так, как вы думаете, хотя должен признать, что ваша версия

¹ Аир — сокращенное жаргонное название анестезиолога-реаниматолога.

очень логична. Но вы не знаете Дениса, а я его знаю. Человек, который способен действовать так, как рассказали вы, ни за что бы не оставил кафедру, а дождался бы повторной защиты. Денис — искренний человек, он не способен притворяться.

— Когда-то был неспособен, — уточнил Данилов, — а потом жизнь научила. *Tempora mutantur...*¹

— Нет! Все же — нет! — сказал шеф с таким выражением лица, будто съел что-то кислое. — Денис не такой! Впрочем, если дело обстоит так, как вы говорите, то вы это быстро увидите. Изнутри же хорошо видно, прячут концы в воду или нет. Ну так что, Владимир Александрович? Беретесь?

— Вы должны понимать, Владислав Петрович, что если я возьмусь, то не пойду ни на какие компромиссы, — предупредил Данилов.

— Какие могут быть компромиссы, когда умирают люди?! — взгляд шефа стал жестким. — Если бы мне был нужен заранее известный результат, я бы отправил туда Савельева!

Пришедший на кафедру в начале прошлого года доцент Савельев был конформистом наивысшего дана. Олег Тарасович поначалу радовался, что приобрел столь вменяемого сотрудника, но скоро понял, какого змея пригрел на груди, и радоваться перестал.

— Мне кажется, что мы не вправе оставаться в стороне, если можем помочь, — с несвойственной ему

¹ *Tempora mutantur et nos mutamur in illis* (лат.) — Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними (дословно: «в них»).

мягкостью сказал шеф. — Разумеется, можно сказать, что это не наше дело, пусть разбирается департамент, но департамент не смог разобраться, потому что комиссии могут обнаружить только то, что лежит на виду. А там что-то другое, Владимир Александрович. Вы со мной согласны?

— Согласен, — кивнул Данилов. — Резкий всплеск летальности в течение одного месяца можно объяснить стечением обстоятельств — мол, везли к нам исключительно крайне тяжелых. Но несколько месяцев... Кстати, Владислав Петрович, а когда именно начала расти летальность?

— С октября прошлого года, буквально с первых дней заведования Дениса. В октябре было... — шеф заглянул в настольный органайзер, — двенадцать процентов, в ноябре — девятнадцать с половиной, а в декабре — тридцать один и восемь. В январе работала первая комиссия, но, несмотря на это, летальность осталась прежней — тридцать два процента. В середине февраля работала вторая комиссия, а февральская летальность составила тридцать один процент.

— А когда начали увольняться старые врачи?

— В октябре, сразу же после того, как туда пришел Денис. Ушли буквально один за другим. Разумеется, все обрабатывали две положенные недели...

— И пока они работали, летальность составляла двенадцать процентов, что в общем-то плохо, но вполне укладывается в рамки, — сказал Данилов. — А как пришли новые врачи, пациенты начали умирать более

интенсивно... И вы еще сомневаетесь в правильности моей версии, Владислав Петрович?

— Докажите и я перестану сомневаться! — хмыкнул шеф.

«Думаешь, что ты меня на кривой козе объехал? — мысленно усмехнулся Данилов. — Как бы не так! Но ведь люди умирают...»

— Попробую доказать, — осторожно ответил он.

— Я разгрузу вас, насколько это будет возможно, — пообещал шеф. — Официальную версию примем такую — вы наконец-то решили вплотную заняться докторской, и я пошел вам навстречу.

«Не мытьем, так катаньем быть тебе, Владимир Александрович, доктором наук», — сказал внутренний голос.

Глава вторая И ПРОКЛЯЛ ДЕМОН ПОБЕЖДЕННЫЙ...

«Обследование начинается со знакомства, — говорил студентам профессор кафедры пропедевтики¹ Бадалов. — Прежде всего нужно установить с пациентом контакт...» С этого Данилов и начал — позвонил Денису Альбертовичу и предложил встретиться где-нибудь в неофициальной обстановке.

— Давайте у меня, — сразу же предложил тот. — Гулять холодно, в заведениях — режим, а дома можно нормально пообщаться, без масок. Я могу приготовить стейки...

— Стейки, это, пожалуй, лишнее, — заметил Данилов, в планы которого не входило застольничать с Денисом Альбертовичем. — Кофе или чая будет вполне достаточно. Без каких-либо дополнений.

Сам, правда, пришел с дополнением — банкой датского печенья, которое среди медиков называется «датским» не только по стране происхождения, но и потому, что его часто дают, то есть преподносят в виде благодарности, пациенты. Неловко же заявляться в гости, пускай и по делу, с пустыми руками. Это хорошо, что представилась возможность посмотреть на Дениса Альбертовича

¹ Пропедевтика внутренних болезней изучает основы диагностики.

в домашней обстановке, которая может многое рассказать о человеке, особенно тому, кто долгое время проработал на «скорой». Вызов всегда начинается с оценки того, куда ты приехал, и только потом смотришь — к кому ты приехал.

Денис Альбертович жил в замечательном доме у станции метро «Проспект Мира». Очень удобно жить на пересечении двух веток, особенно если одна из них кольцевая. Ну а если вдобавок потолки высокие и окна выходят на Аптекарский огород, тот тут любой позавидует. Квартира в таком доме сама по себе наводила на подозрения — с каких это доходов семья врачей (жена Дениса Альбертовича работала эндокринологом в клинико-диагностическом центре) может позволить себе такое приобретение? Но когда Данилов похвалил вид на огород, который, честно говоря, в марте особого впечатления не производил, Денис Альбертович ответил:

— Все гости этим садиком восхищаются, а я к нему привык с рождения и ничего особенного не вижу.

Стало быть, квартира не купленная, а унаследованная от родителей.

Невысокий, лысый и подвижный Денис Альбертович внешне напомнил Данилову комика Луи де Фюнеса. Только нос у него был поменьше и мимика не такая живая, как у знаменитого француза.

В замечательной квартире, кроме них, никого не было.

— Сын раньше полуночи домой не приходит, а супруге я посоветовал после приема родителей навестить, — сказал

Денис Альбертович. — Не хочется при ней разговаривать, она и так волнуется постоянно.

Данилов решил сразу же, что называется — с места в карьер, проверить свою версию относительно прятания концов в воду.

— Мне сразу же пришла в голову мысль о том, что ваши врачи недостаточно компетентны и потому часто допускают ошибки, а вы их покрываете, — сказал он, усевшись на диван в гостиной. — А к Владиславу Петровичу вы обратились для блезира, чтобы отвести подозрения от себя. Я так Владиславу Петровичу и сказал.

Расчет был простым, как внутримышечная инъекция. Если так оно и есть, то Денис Альбертович изобразит великое возмущение — я вас о помощи попросил, а вы меня же обвиняете?! — и укажет Данилову на дверь. Вполне возможно, что и жестянку с печеньем в спину швырнет... На этом дело можно будет считать законченным. Тут уж, как говорится, без вариантов. Но Денис Альбертович горестно покачал головой и ушел на кухню готовить кофе.

«Будь начеку! — предупредил внутренний голос. — Сейчас он выскочит оттуда с тесаком и порубит тебя в капусту!» Внутреннему голосу очень понравилась идея с расследованием, и он сразу же начал ерничать.

Вместо тесака Денис Альбертович явился с подносом, на котором кроме двух чашек стояли вазочки с шоколадными конфетами и финиками. Расставив все на журнальном столике, он убрал поднос на полку под столешницей и только тогда ответил:

— Мне председатель последней департаментской комиссии сказал то же самое, только в более резкой форме. Вы, мол, тут все друг дружку покрываете, сукины дети, а в департаменте все за головы хватаются. Но ничего, мы вас выведем на чистую воду! Так что мы ждем третьей комиссии, которая для меня, зама по аир¹ и главного врача явно будет последней. Вот я и решил обратиться к Владиславу Петровичу. Вдруг вы поможете? Я своих сотрудников не покрываю, я просто стараюсь их в обиду не давать, но о том, чтобы закрывать глаза на ошибки, и речи быть не может, особенно в подобной ситуации. Но сказать можно все, что угодно, я понимаю. Будет лучше, если вы убедитесь в этом сами. Владислав Петрович сказал, что инспекция будет негласной. Что ж, ставки свободные у меня есть, можете выходить хоть завтра.

— Завтра я хотел бы прийти к вам днем для знакомства с отделением, — ответил Данилов, думая о том, что торопиться с выводами относительно Дениса Альбертовича не стоит — очень умный человек может избрать и такую тактику защиты. — А выйти могу послезавтра. Предпраздничная суббота — очень удобный день для наблюдений. Допуск², разумеется, оформить не успеем...

— Назначения могут делать ваши напарники, — махнул рукой Денис Альбертович. — И вообще для первого

¹ Зам по аир — жаргонное название заместителя главного врача по анестезиологии и реанимации.

² Имеется в виду допуск к работе с наркотическими средствами и психотропными веществами, который оформляется при трудоустройстве.

раза я поставлю вас третьим, как бы на стажировку. Правда, в ординаторской только два дивана, но я вам дам ключ от своего кабинета.

— И сотрудники сразу же задумаются — что это за фрукт-ананас такой? — хмыкнул Данилов. — Почему к нему особое отношение? Не хотелось бы, чтобы они так думали.

— А что тут такого? — удивился Денис Альбертович. — Мой бывший кафедральный наставник попросил меня помочь его сотруднику в сборе материала для докторской, а я, по старой памяти, согласился. Да, разумеется, как доцент кафедры, вы будете на особом положении, но в этом нет ничего подозрительного. Как говорится — по заслугам и почет.

— Не жалеете, что ушли с кафедры? — спросил Данилов.

— Жалею, что четыре года там потерял, — ответил Денис Альбертович, и вроде как сказал правду, во всяком случае, ни в голосе, ни во взгляде Данилов не почувствовал ни малейшей фальши. — Правда, жалеть я начал не сразу... Уходил на нервах, сгоряча, а после осознал, что поступил правильно. Я же по натуре практик, а не теоретик.

— Тогда скажите мне как практик, что вы думаете о происходящем?

Задав вопрос, Данилов спохватился, что кофе остывает, и сделал маленький дегустационный глоточек. Кофе оказался очень даже неплохим. Данилов уважительно хмыкнул.

— Турка, и только турка, — прокомментировал хозяин. — Я не признаю кофемашин.

— Главное, чтобы кофе был хороший, — дипломатично ответил Данилов, в свое время перешедший из лагеря убежденных «турочников» в лагерь конформистов, признающих и турку, и машину. — Так что же вы думаете, Денис Альбертович?

— Не знаю, что и думать, — Денис Альбертович шумно вздохнул и развел руками. — Голову сломал. В самом начале думал, что это старые сотрудники пытаются меня подставить. Люди же разные, некоторые готовы пожертвовать пациентом для того, чтобы досадить неугодному начальнику. Я же буквально каждый день выслушивал сентенции на тему: «Прислали нам непонятно кого». Когда все старые врачи свалили, я вздохнул с облегчением — ну уж теперь-то все будет в порядке. Однако стало еще хуже. В декабре летальность дошла до тридцати двух процентов! Я неделями из отделения не вылезал, пытался понять, что происходит, но так ничего и не понял. Вроде бы все делается как надо, а пациенты умирают. Грешили на больничную аптеку, но вторая комиссия трясла ее так, что заведующая чуть инфаркт не получила. Проверяли все, сверху донизу, образцы на исследование забирали, однако же ничего не нашли. С препаратами, которые мы получаем из аптеки, все в порядке. И у нас они хранятся так, как нужно. Должен сказать, что со старшей медсестрой мне крупно повезло. Четкая женщина, я рад, что она осталась в отделении. Но тем не менее сам практически ежедневно проверяю

что как хранится. Я вообще все-все проверяю, как заведенный. У меня уже невроз сформировался — если выдается свободная минутка, я устраиваю какую-нибудь проверку. Зам по аир к нам заглядывает часто, раз в неделю бывают начмед¹ с главной медсестрой, про линейный контроль департамента я вообще не говорю — одно время приезжали чуть ли не каждый день, сейчас, правда, поутихли... Все ищут недочеты, но никто ничего найти не может. У нас все как положено, как должно быть. Некоторые сотрудники на этой почве ударились в мистику — списывают все на проклятие моего предшественника. Говорят, что, увольняясь, он на весь корпус орал: «Будьте вы прокляты!..»

— И проклял Демон побежденный... — вырвалось у Данилова.

— Вот-вот! — кивнул Денис Альбертович. — Я удивляюсь тому, какая каша в головах некоторых людей. Ну как можно в наше время верить в проклятия и сглазы? Особенно при наличии медицинского образования... Так верят же! Есть у нас доктор Гармашук, так он на дежурство приходит весь обвешанный амулетами. На шее какая-то молитва в мешочке и камешек заговоренный, в кармане четки, которые якобы должны отводить несчастье, на запястьях ниточки с узелками... Ниточки, правда, я запретил — как с ними в операционную? У нас ротация — месяц в операционной, два месяца в отделении. Так теперь свои ниточки на ногах носит. Но

¹ Начмед — жаргонное название заместителя главного врача по медицинской части.

ничего не помогает. В феврале у Гармашука умер пациент с диабетом, которого привезли к нам в коматозном состоянии. Мы его с того света вытянули, полностью стабилизировали и уже готовили к переводу в отделение, но у него вдруг возникла желудочковая фибрилляция¹, которую купировать не удалось. Вот ни с того, ни с сего! Лечили его правильно, стабилизировали, но в результате получили труп. Почему? Не знаю! Разумеется, все шишки валятся на меня — при Хобте, прежнем заведующем, летальность держалась в пределах семи с половиной процентов, а при мне, — Денис Альбертович ткнул себя в грудь оттопыренным большим пальцем, — поперла расти как на дрожжах. Да, я понимаю, что заведующий отвечает за все происходящее в отделении. Но я не могу понять, что происходит. Иногда думаю — пусть меня снимут с заведования и выгонят к чертовой матери, только бы разобраться... Еще кофе?

— Не откажусь, — улыбнулся Данилов.

Пока Денис Альбертович был на кухне, Данилов попробовал разобраться в собственных впечатлениях и пришел к выводу, что в целом тот ему нравится. «Но это еще ничего не означает!», — тут же заметил внутренний голос. Да, не означает. Преступники могут быть крайне обаятельными людьми. Даже маньяки обаятельные попадаются.

¹ Желудочковая фибрилляция (фибрилляция желудочков) — нескоординированные сокращения мышечных волокон желудочков сердца. При этом состоянии сердце не может перекачивать кровь.

Когда Денис Альбертович вернулся, Данилов попросил рассказать историю снятия предыдущего заведующего.

— Я, собственно, сам с ним знаком не был и знаю все с чужих слов, но столько раз слышал об этом от разных людей, что вижу все словно наяву. Мой предшественник и кое-кто из врачей отделения занимались вымогательством денег под предлогом стимулирования среднего и младшего персонала. Медсестры в этом, насколько я понимаю, не участвовали, все делалось на врачебном уровне, причем очень осторожно, намеками. Если родственники намеков не понимали или не хотели понимать, то их оставляли в покое. За наркоз или за вытягивание с того света деньги никогда не просили, только за уход. Но суммы, насколько мне известно, были крупными. В среднем брали по десять тысяч за сутки, а если пациент был на ИВЛ¹, то не меньше пятнадцати...

— Неплохо, — присвистнул от удивления Данилов. — Даже если заплатят за троих пациентов, то уже получается внушительная сумма.

— Но при этом всех пациентов старались лечить качественно, — продолжал Денис Альбертович, — и уход за ними был адекватный...

— Естественно, — кивнул Данилов. — Лишние проблемы никому не нужны. Рыба лучше ловится в тихой воде.

— И вообще для любого вымогательства важно, чтобы у отделения была бы хорошая репутация, — добавил

¹ ИВЛ — искусственная вентиляция легких.

Денис Альбертович. — Могу предположить, что вымогательством занимались все врачи отделения, а не только те, на кого пожаловались. Один из старых врачей, между нами говоря — тот еще мерзавец, при увольнении прямо сказал мне, что он не привык жить на одну зарплату. Да и по тачкам было видно, что люди не бедствуют, отнюдь... Но какой смысл обсуждать это сейчас, когда из старых сотрудников остались только сестры и санитарки? Им на меня обижаться не за что. Они не видели никаких особых благ от моего предшественника, врачи с ними не делились. Старшая сестра как-то раз сказала, что со мной гораздо приятнее работать, чем с Михаилом Юрьевичем. Я, мол, не гноблю людей за каждую оплошность, как он.

— Ну сказать можно что угодно, — заметил Данилов.

— Ирина Константиновна подтвердила свои слова делом, — не без гордости сказал Денис Альбертович. — Ее сманивали в приемное отделение, обещали огромные премии и прочие плюшки, но она сказала, что полностью довольна своей нынешней работой и никуда переходить не собирается.

«Еще бы! — подумал Данилов. — У старшей медсестры приемного отделения жизнь такая, что никаких премий не захочешь. Плюшки хороши, когда ими не давишься...»

— Она помогала мне налаживать работу, — продолжал Денис Альбертович. — Пыталась удерживать увольняющихся медсестер, в момент особо острой нехватки персонала выходила на дежурства сама. В общем,

человек она надежный и если бы держала камень за душой, то так стараться бы не стала. Ну а потом — как старшая сестра отделения может влиять на летальность? Она не назначает лечение и никак не взаимодействует с пациентами. Медсестру еще можно заподозрить в том, что она ввела пациенту не то, что назначил врач. Но вы сами увидите, какой контроль установлен сейчас в нашем отделении. Пока сестра набирает лекарство в шприц, врач у нее в прямом смысле над душой стоит. Все флаконы перед постановкой проверяются... Ну и вообще у сестер нет возможности самовольничать. А сестры, в свою очередь, следят за врачами... Я иногда думаю — может, эта нервная обстановка во всем виновата? Черт его знает... Тут поневоле в мистику ударишься, благоприятные дни высчитывать начнешь.

— Благоприятные дни? — удивленно переспросил Данилов. — В каком смысле «благоприятные»?

— В самом прямом — для работы! Есть у нас доктор Дебихина, полная, между нами говоря, дура, которую я терплю только потому, что заменить некем, так вот она высчитывает свои благоприятные дни на следующий месяц и в другие дни работать категорически отказывается. Мало мне проблем с составлением графика, так еще я должен помнить, когда Марина Степановна согласна выходить, а когда нет!

— Вот вы сказали «дура, которую я терплю», — поймал собеседника за язык Данилов. — А может, это она вам статистику портит? И вообще, много ли кого вам приходится терпеть?

— Я представляю ход ваших мыслей, — улыбнулся Денис Альбертович. — Нет, не много кого, Дебихина у нас одна такая. Типичный, в общем-то, случай — медсестра выучилась на врача, а уровень мышления у нее так и остался сестринским. Чего стоит доктор Дебихина и что ей можно поручать, стало известно уже на первом ее дежурстве, так что теперь я использую ее исключительно в качестве ассистента при грамотном докторе и вообще стараюсь ставить ей дневные смены. Ничего, кроме наблюдения за пациентами в зале, ей не поручается, в мало-мальски сложных случаях привлекается старший врач смены. Как результат — у Марины Степановны самая лучшая статистика среди врачей. Так что ничего она нам не портит, потому что мы не позволяем ей этого делать.

— А какая причина смерти лидирует среди условно-необъяснимых вы не выясняли?

— Да там все, что только может быть, — поморщился Денис Альбертович, — начиная с фибрилляции и заканчивая анафилактическим шоком. Завтра под маркой поиска нужного материала вы сможете посмотреть всю документацию. Но доминирующей причины у нас нет, это точно. Люди умирают от разных причин, в каждом случае действия персонала признаются правильными, сомнений в отношении препаратов, получаемых из аптеки, у нас нет, но тем не менее летальность в четыре раза больше средней по Москве. Такая вот задачка с многими неизвестными. Вам еще хочется попробовать ее решить или уже нет?

— Если честно, то еще сильнее захотелось, — ответил Данилов. — Я люблю решать задачи и не люблю, когда умирают люди.

— Если вы ее решите, то с меня «поляна» в любом ресторане, — пообещал Денис Альбертович. — Хоть в «Фифти», хоть в «Принцессе Грёзе», хоть в «Эль Мари-мари».

— Да я местов-то таких не знаю, — ответил Данилов, подумав о том, что бы сделала с ним за слово «местов» покойная мама, преподававшая школьникам русский язык и литературу. — Я человек простой, негламурный. Был бы финик к кофейку — и ладно.

Денис Альбертович понял намек и ушел варить третью порцию бодрящего напитка. Оставшись в одиночестве, Данилов подумал о том, что если отбросить первую версию, которую после знакомства с Денисом Альбертовичем хотелось отбросить, то на ее место нечего будет поставить. Никаких других предположений в уме не возникало. С пациентом все в порядке, то есть — нет оснований ожидать летального исхода. Это раз. Персонал делает все правильно, это два. Препараты используются нормальные, которые правильно хранились в правильных местах, это три. Но при всем том летальность выше тридцати процентов. Вот о чем тут можно подумать? О влиянии какого-то нераспознанного внешнего фактора? Например, кто-то из врачей принес в ординаторскую сувенир или, скажем, кружку, сделанную из «фонящего» материала?.. Чушь! Во-первых, у облучения есть свои симптомы, а во-вторых, от него бы в первую очередь

страдали сотрудники, которые проводят в отделении по восемь-десять суток в месяц, а не пациенты, чье пребывание кратковременно. Какая-то новая инфекция, вызывающая парадоксальные реакции на препараты?.. Тоже чушь! В наше коронавирусное время, когда все ходит в масках да респираторах, когда все обрабатывается-стерилизуется в режиме нон-стоп, инфекции особо разгуляться не могут. Да и не ограничилась бы инфекция стенами одного реанимационного отделения, очень скоро пошла бы гулять по всей больнице, а затем и по всей Москве... Но в других отделениях, не говоря уже о других стационарах, летальность не возрастает. Непростая, однако, задачка.

«Шерлок Холмс решил бы ее в один момент! — проворчал внутренний голос. — Он не стал бы тратить время на обдумывание фантастических версий, а понаблюдал бы и сделал выводы».

— Будем наблюдать! — вслух пообещал Данилов.

— Это вы о чем? — спросил Денис Альбертович, принесший на подносе чашки со свежесваренным кофе.

— Да это я сам с собой беседую, — усмехнулся Данилов. — Так задачки легче решаются... Особенно те, которые со многими неизвестными.

Глава третья

ЗАДАЧКА СО МНОГИМИ НЕИЗВЕСТНЫМИ

— Данилов, ну чего тебе спокойно не живется, неугомонный ты мой? Только-только вернулся с коронавирусного фронта и снова нашел себе приключение! Лучше бы действительно диссертацией занялся...

Реакция жены была ожидаемой. Ни на что иное Данилов и не надеялся. Ничего — выговорится и остынет.

— Так я и займусь, — пообещал он. — Раз уж представился такой случай. Я же не только расследование вести буду...

— Да ты только им и будешь заниматься! — махнула рукой Елена. — А то я тебя не знаю. До сих пор удивляюсь тому, как ты кандидатскую сподобился защитить!

— Однако же сподобился...

— Я так понимаю, что восьмое марта мы с Машкой празднуем без тебя!

— Я дежурю завтра, шестого марта, — напомнил Данилов. — А затем два дня отдыхаю. Седьмого, как положено, сделаю предпраздничную уборку и что-нибудь приготовлю, заодно повешу на кухне новый карниз. А восьмого марта мы предпримем что-нибудь развлекательное.

Новый карниз стоял в углу еще с докоронавирусных времен. Сначала Данилов не собирался вешать его до тех

пор, пока жена не купит новые занавески — делать, так уж разом, потом, когда вопрос с занавесками был решен, до карниза все никак не доходили руки. Время от времени он с великим грохотом падал на пол. Дочь Маша всякий раз истошно визжала, а жена страдальчески вздыхала и поджимала губы. Но долг мужской чести требовал, чтобы перед женским праздником карниз переехал по месту постоянной прописки.

— Так я тебе и поверила! — усмехнулась Елена. — Ты притащишь с дежурства кучу документации и просидишь над ней все выходные. Или умотаешь восьмого с утра пораньше допрашивать свидетелей.

— Каких свидетелей?

— Не знаю! Каких-нибудь. Все сыщики по выходным мотаются по свидетелям, а их жены скучают дома. Но я не стану скучать. Мы с Машкой съездим в Коломну, давно уже собирались.

— Вместо того чтобы говорить глупости, лучше бы сказала что-нибудь умное, — посоветовал Данилов. — Меня очень интересует твое мнение, как руководителя высокого ранга с большим стажем. Ситуацию я тебе обрисовал, насколько сам ее знаю. Какие будут предположения?

— Предположения? — хмыкнула Елена, мгновенно переключившись из скандального режима в рабочий. — Предположение может быть только одно — высокая летальность является следствием пофигизма. Как руководитель высокого ранга с большим стажем я точно знаю, что все проблемы происходят от пофигизма. Не

знаю, как в других сферах, но в медицине все настолько четко регламентировано, что при соблюдении всех правил проблем быть не должно. Я твоего Дениса Робертовича не видела, но могу с уверенностью предположить, что заведующий из него как из лягушки прокурор! И решение у этой проблемы может быть только одно — полное обновление отделения! Разогнать всех, от заведующего до санитарок, и набрать новых сотрудников! Тогда все будет в порядке.

— Во-первых, он Альбертович, а не Робертович, — поправил Данилов, сильно не любивший, когда его называли Владимиром Алексеевичем, Василием Александровичем или, к примеру, Владиславом Андреевичем. — А во-вторых, это в мире магии можно взмахнуть волшебной палочкой, сказать «докторус натус» — и перед тобой появятся тридцать три доктора во главе с дядькой Черномором в роли заведующего. Но в реальном мире, особенно в нынешней ситуации, ощущается выраженный дефицит медицинского персонала. В-третьих, как это «разогнать всех»? За что? Сначала надо предъявить обвинение, а после уже увольнять, иначе главного врача засудят до кондратия. И вообще, далеко не всегда причины лежат на поверхности. Могу рассказать тебе один случай из скорпомощной практики. Еще до твоего прихода на шестьдесят вторую подстанцию работали у нас доктор Тюкавкин по прозвищу Тюлень и фельдшер Фархутдинов. Оба опытные, знающие, Тюленя старшим врачом на восьмую подстанцию звали, но он не захотел с линии уходить. Однако, когда их ставили работать

вместе, у них чуть ли не в каждое дежурство была смерть в присутствии¹, а иногда и две. Если работают порознь, то все путем, а как вместе сойдутся, так кого-то обязательно потеряют. Вот просто проклятье какое-то, ничем другим объяснить это было невозможно. Со временем их перестали ставить вместе, от греха подальше. В чем было дело, я догадался позже, когда Тюлень уже ушел на платную «скорую». Но прежде, чем я скажу свое мнение, хотелось бы услышать твое. Только варианты «выпивали вместе» или «ширялись на пару» можешь сразу отбросить. Мужики были правильные, на работе ничего себе не позволяли, да и вообще с бутылкой не дружили, не говоря уже о чем-то другом.

— Правильные, опытные, знающие, но как вместе сойдутся, так кого-то угробят, — повторила Елена условия задачи. — Хм! А какие у них были отношения друг с другом?

— Самые что ни на есть задушевные, — ответил Данилов. — Рыбачить вместе ездили, а это серьезный показатель, ведь рыбу можно ловить только в приятной дружественной компании. И вообще оба были спокойными неконфликтными мужиками. Фархутдинова ты тоже не застала, он незадолго до твоего появления переехал в Свиблово и перевелся на семнадцатую подстанцию.

— Не могу ничего предположить, — сказала Елена после минутного размышления. — Скорее всего — простое совпадение, раздутое до уровня проклятия.

¹ То есть смерть пациента в присутствии бригады скорой помощи.

— Один или два раза — совпадение, а двадцать или больше — уже система, — ответил Данилов. — Причем — никакого пофигизма там и в помине не было, мужикии выкладывались на вызовах по полной программе. Пациент умрет, а родственники потом благодарность пишут — какие замечательные врачи к нам приехали, как они старались нашего дедушку спасти!

— Один из них был скрытым маньяком? — предположила Елена. — Пускал новокаиномид по вене экспрессом¹ и все такое?

— Нет, — мотнул головой Данилов. — Еще будут предположения?

Елена молча развела руками, давая понять, что других версий у нее нет.

— Меня осенило, во время совместного дежурства с Фархутдиновым. Попался сложный отек легких у астматика с сердечной недостаточностью, я задумался ненадолго, а после вызова Фархутдинов мне по-свойски попенял на то, что я, дескать, торможу, когда дорога каждая секунда. И тут до меня дошло — они с Тюленем были торопыги-рекордсмены, два сапога пара. Когда вместе дежурили, то выделывались друг перед другом на скорость. Скорость важна, но иногда нужно притормозить и подумать, чтобы не наломать дров. Когда они работали порознь, то их «уравновешивали»

¹ «Пускать экспрессом» на скоропомощном жаргоне означает быстрое введение препарата. Раствор новокаиномиды полагается вводить очень медленно с примерной скоростью 1 миллилитр в минуту.

напарники, потому что все было в рамках обычного. Я Фархутдинову так и объяснил.

— А он что?

— А он надулся и сказал, что нечего валить с больной головы на здоровую. Мы же, в конце концов, скорая помощь, а не медленная. Короче говоря, не понял он меня.

— Интересная история! — сказала Елена. — Я сделаю из нее задачку на сообразительность и посмотрю, что скажут коллеги.

— Начиная с главного врача, — поддел Данилов, — и не забудь рассказать мне, что он ответит.

Елена была заместителем главного врача московской станции скорой помощи и директором юго-восточного регионального объединения¹ номер пять.

— Я на собрании всех разом озадачу, — улыбнулась Елена, — так удобнее и никому не обидно. Разумеется, без подробностей. Разве что скажу, что это случай из практики моего замечательного мужа, который в скором времени затмит своими подвигами Шерлока Холмса, Эркюля Пуаро, комиссара Мегрэ и майора Пронина, вместе взятых.

— Вообще-то моим идеалом всегда был Пал Палыч Знаменский, — ответил Данилов. — Он свой и понятный, практически — современник.

¹ Директор регионального объединения — руководитель объединения из нескольких подстанций Московской скорой помощи, расположенных по соседству друг с другом.

— У Пал Палыча были Томин и Зиночка, — возразила Елена. — А ты типичный волк-одиночка.

— Ну почему же... — укоризненно протянул Данилов. — Совсем не одиночка. У меня тоже есть Зиночка и условный Томин.

— Так-с! — сверкнула глазами жена. — С этого момента прошу поподробнее. Что за Зиночка? Почему я о ней ничего не знаю?

— Потому что я познакомился с ней только сегодня, — ответил Данилов успокаивающим тоном. — Это старшая сестра отделения анестезиологии и реанимации Ирина Константиновна. Очень милая женщина, сильно переживает по поводу происходящего, сочувствует Денису Альбертовичу...

— Она симпатичная? — деловито осведомилась Елена.

— С тобой не сравнишь, но в целом очень даже ничего.

У Ирины Константиновны были волшебные глаза — большие, миндалевидные, невероятного кобальтового оттенка, насыщенного и колдовского. Высокие скулы, точеный носик и крупный рот с сочными губами довершали впечатление. При таком лице высокий рост и хорошая фигура выглядели приложением, а не достоинствами. Если бы друг Полянский увидел Ирину Константиновну, то вполне мог бы потерять свою голову. Данилов голову не терял, но смотреть на красивую женщину всегда приятно. А если она еще и умна, да вдобавок хочет тебе помочь...

— Я лично считаю, что Денис Альбертович — идеальный заведующий, — сказала Ирина Константиновна, когда они остались в ординаторской одни (Данилов делал вид, что просматривает истории болезни, но на самом деле хотел пообщаться с народом после официального представления его в качестве нового совместителя). — Наш бывший заведующий Михаил Юрьевич был хорошим врачом, но как человек... — она скорчила гримасу, — оставлял желать лучшего. Он не любил и не уважал людей, рассматривал их только с точки зрения полезности. Чуть что не так — вылетишь вон вперед собственного визга. Когда у одной из девочек умерла двоюродная сестра в Челябинске, он не хотел отпускать ее на похороны. Подумаешь — какая-то дальняя родственница! А кто работать будет? Медсестра сказала, что полетит в Челябинск в любом случае. Хотите — увольняйте по статье за прогул, мне без разницы. Михаил Юрьевич сразу осекся и врубил задний ход — раз уж так, то конечно дам неделю за свой счет. Но это в нем не совесть заговорила, а прагматизм. Ясное дело, что проще отпустить медсестру на несколько дней, чем искать новую. Ничего личного, только голый расчет. С такими людьми работать можно, если к ним притрешься, но неприятно, — Ирина Константиновна брезгливо поморщилась. — А вот Денис Альбертович — совершенно другой. Если он может пойти навстречу, то пойдет без вопросов. Не знаю, как врачи, а сестры и санитарки от него в торговле. Среднему и младшему персоналу всегда больше достается от начальства, поэтому мы очень ценим

хороших заведующих. А на Дениса Альбертовича просто не надышимся. Золотой человек!

— Я слышал, что у вас есть серьезные проблемы, — закинул удочку Данилов. — Летальность высокая, и совершенно непонятно, почему так...

— А что тут понимать? — Ирина Константиновна удивленно посмотрела на Данилова и пожала плечами. — Пришло много новых сотрудников, нужно время для того, чтобы они вошли в колею. Про коронавирус тоже забывать нельзя. Многие стационары перепрофилированы, туда кладут только с «коронай», получается, что мы отдуваемся не только за себя, но и за соседей. Приоритеты сместились, теперь к нам поступают по «скорой» только очень тяжелые пациенты, всех, кто полегче, раскладывают по отделениям. В такой ситуации летальность непременно должна возрасти, или я ошибаюсь?

Вот он, типичный пример сестринского мышления — вроде бы все логично, но на самом деле нет. Для госпитализации в реанимационное отделение существуют определенные показания, которые не могут быть пересмотрены в сторону ужесточения ни при каких обстоятельствах, потому что в обычном отделении реанимационному пациенту помочь не смогут. Вот в сторону ослабления сдвиги бывают довольно часто, особенно если в реанимации есть свободные койки. «Ой, что-то мне бабушка не нравится, подержите ее у себя сутки, а если все будет стабильно, переводите в отделение». «Ладно, пусть полежит, понаблюдаем». Известно же, что

лучше и спокойнее перестраховаться, чем наоборот. Проклятый коронавирус, происхождение которого до сих пор покрыто мраком, оттянул на себя большое количество коек, в том числе и реанимационных. В реанимационные отделения теперь стали класть строго по показаниям, что и породило неверное представление о том, что кладут только самых тяжелых. Неправда, кладут, как и раньше, всех, у кого есть показания, а вот тех, у кого показаний нет — не кладут. На «Ой, что-то мне бабушка не нравится...» теперь отвечают не «ладно, пусть полежит, понаблюдаем», а «наблюдайте, если ухудшится — заберем».

Со статистикой тоже не все так прямолинейно. Представление о тяжести состояния умершего пациента легко составляется по истории болезни. Если бы летальность выросла за счет тех, кому просто невозможно было помочь, то это установила бы первая комиссия. А может, до комиссии дело бы и не дошло, департаменту могло хватить аналитического отчета, предоставленного больницы администрацией. Опять же, надо смотреть на период. Случайности не растягиваются на несколько месяцев.

«Да все она прекрасно понимает, — подумал Данилов, глядя в глаза старшей медсестре. — Просто не хочет катить бочку на свое отделение и своего заведующего. Мало ли кем может оказаться этот хмырь с кафедры? Вдруг у него с департаментом прямая связь и все сказанное сразу же передастся туда? Вообще-то правильнее всего было бы совсем не затрагивать эту скользкую

тему, чтобы не пришлось выставлять себя... хм... не очень умной. Но если сильно наболело, то поневоле затронешь...»

Доктор Дебихина, отрекомендованная Денисом Альбертовичем как «полная дура», оказалась абсолютной противоположностью Ирины Константиновны, как внешне, так и внутренне. Злобно сверкая глубоко посаженными глазками, она с ходу начала жаловаться Данилову на плохую атмосферу в отделении, тиранию заведующего, вредность врачей и нерадивость сестер.

— Зачем вам здесь работать? Шли бы в другую больницу, ведь на нашей свет клином не сошелся! Вы у нас не материал соберете, а сплошной негатив! Вы просто не представляете, куда вас занесло...

В обычной ситуации Данилов дальше слушать бы не стал и вообще свел бы общение с неприятной женщиной до минимального минимума, но сейчас пришлось делать круглые глаза, качать головой и подавать реплики, побуждавшие собеседницу к продолжению своего ядовитого монолога.

— Люди могут соврать, а цифры не врут! Возьмите статистику и посмотрите, сколько на каждом из этих умников висит покойников. А у меня, чтоб вы знали, пациенты умирают очень редко. Почему? Да потому что я в каждого вцепляюсь вот так! — Дебихина вытянула вперед руки и потрясла костлявыми кулаками. — Вцепляюсь и тяну! А эти, — она мотнула головой в сторону двери, ведущей из ординаторской в зал, — работают спустя рукава, как придется, но постоянно пытаются